

9. Nabokov V.V. *Perevody i evropeyskoy literatury*. URL: <http://www.rustranlater.net/index.php?object=nabokov> (data obrascheniya: 01.09.2013).

10. Polivanov E.D. *Stati po obschemu yazykoznaniiu*. M.: Nauka, 1968.

Correlation of explicitness and implicitness in autotranslation

There are analyzed the moments of divergence in Russian and author's translated English texts based on the story by V.V. Nabokov "Spring in Fialta". There is stated that the typical cases of deliberate neutralization of the nationally marked Russian expression include cultural allusions incomprehensible for English readers, ways of shortening the distance by means of diminutive suffixes and change of themes tabulated for Americans to their euphemistic correlates.

Keywords: *autotranslation, V.V. Nabokov, implicitness, ethnocultural specificity, allusions.*

(Статья поступила в редакцию 16.12.2013)

Ж.К. КИЫНОВА
(Алматы, Казахстан)

«ОЧИ» И «УСТА» В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Прослеживается эволюция поэтизмов «очи» и «уста» в истории русской поэзии, обобщаются работы, посвященные исследованию поэтического языка. На основе переводов поэтических произведений А.С. Пушкина рассматриваются способы перевода данных стилистически маркированных архаизмов на казахский язык и возможность сохранения их семантико-стилистического своеобразия.

Ключевые слова: «очи», «уста», поэтизм, описательный способ перевода, стилистическая окраска, русский язык, казахский язык.

В современном русском языке слова *очи* и *уста*, по сравнению с другими стилистически маркированными архаизмами, характеризуются частотностью использования в поэзии и активно функционируют в составе фразеологизмов, пословиц и поговорок. Современные носители языка имеют представление о том, что

обозначают эти слова, и особо их маркируют, осознавая парность этих слов как образных средств, традиция употребления которых связана с оценочными значениями и культурно-историческими факторами. «Устойчивость и универсальность этих ассоциаций, безусловно, определяются активностью использования рассматриваемых слов в культурно-значимых для носителей языка текстах – философских, поэтических, религиозных. Причина особого положения *очей* и *уст*, на наш взгляд, определяется ценностными представлениями носителей языка. В ряду характеристик человека глаза и язык, по-видимому, относятся к основным – и как два орудия воздействия, и как два источника впечатлений о человеке. Поэтому высокие *очи* можно рассматривать как эстетический эквивалент лица (настроения, характера...), а *уста* – как этический эквивалент личности (ее речевого поведения)» [9, с. 70].

Поэтизмы *очи* и *уста* оставались принадлежностью русской поэзии на протяжении нескольких веков, и смена литературных тенденций (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм), характерная для конца XVIII–XIX в., оказывала влияние на их семантико-стилистическое своеобразие в художественных, особенно поэтических, произведениях.

Традиция употребления славянизмов как элементов высокого стиля в поэтической речи восходит к теории трех стилей Ломоносова, согласно которой за ними был закреплен особый стилистический статус – основной стилистический компонент высокого слога. В исторической русистике начало формирования национального русского литературного языка и его стилей соотносят с развитием русского классицизма и его жанров в середине XVIII в. Именно в этот период славянизмы широко употреблялись в жанрах высокого слога преимущественно в образно-метафорических значениях и в составе фразеологических оборотов. Однако славянизмы в эпоху классицизма были принадлежностью высокого слога, и их употребление было мотивировано особым статусом как формальных показателей языка трагедии и эпической поэзии, поэтому они не являлись изобразительным средством. По мнению Л.Л. Кутиной, «славянизмы – один из самых распространенных в эту пору видов словесной архаики – такая же глобальная характеристика повести, как и ритм. И именно в силу всеобщности своего употребления они представляют явление фоновое, создающее лишь общую то-

нальность “торжественной важности”. Славянизмы орнаментируют все стилистические пласты повести – речь автора и речь персонажей» [7, с. 68]. Напротив, в эпоху романтизма, особенно в произведениях А.С. Пушкина, славянизмы использовались как художественно-изобразительное средство и имеют ярко выраженные традиционные особенности употребления в языке поэзии. Славянизмы как стилиобразующее средство в классической поэзии XIX в. (пушкинская эпоха) хорошо изучены в научной литературе [1; 2; 6].

В творчестве поэтов XIX в. преодолевается традиция формального использования славянизмов и проявляется тенденция к дифференциации смыслов нейтрального и высокого синонимии. Так, встречаются контексты, в которых славянизм *очи* используется в определенных стилистических целях в сочетании со словами с возвышенной, торжественной окраской одного синтагматического ряда или же в контрастных контекстах со стилистически неоднородной лексикой. В пушкинскую эпоху сформировался основной состав поэтизм и употребление славянизмов как средств стилизации и создания гражданского пафоса приобрело системный характер.

Противоречивое мнение сложилось у исследователей языка поэзии XX в. Одни ученые считают, «в XX в. – при тенденции к сближению поэтической лексики с разговорной – старославянизмы, соотносимые с собственно русскими словами, вновь оказываются маркированными, и уже не только принадлежностью к высокому стилю, но и манифестируемой включенностью в контекст классической русской культуры. Для XX в. характерно противоположное явление: чрезвычайно активизируется и становится ведущим дифференциальный признак иронического снижения элементов высокого стиля» [4, с. 294]. Другие полагают, что «в поэзии XX в. славянизм уже не рассматривается как просто поэтизм – его употребление у каждого большого поэта всегда связано с определенным стилистическим заданием, со стремлением обновить экспрессию слова и образа» [8, с. 136].

Современная поэзия характеризуется слиянием в одном контексте разнородных в стилистическом отношении слов, что создает своеобразную игру на контрастах, поэтому для поэзии последних лет особенно характерны стилистический контраст и дисгармония. Анализ употребления слова *очи* в поэзии последних лет показывает, что современное сознание оперирует теми смыслами высокого слова, которые сложились в поэтической традиции, и

вместе с тем осваивает новый его смысл, который складывается в новых контекстах. Особая активность славянизмов-соматизмов *очи* и *уста* объясняется своеобразным выражением авторского мировосприятия через словесные портреты, в которых образ человека, созерцающего *очами* и выражающего свои чувства *устами*, придает экспрессию целому контексту произведения. Не случайно то, что именно соматические славянизмы составили основную часть архаизированной поэтической лексики. Широкое использование соматической лексики, в том числе и славянизмов-соматизмов, характерно и для поэзии М. Цветаевой. Так, они «используются для создания выразительных портретных характеристик: *На щеках – юность цвела, / На устах – мудрость играла...* Соматизм *уста* может метонимически обозначать человека, людей, а соматизм *рот* относится к конкретному человеку» [5, с. 101]. Если в современном языке за славянизмами *очи* и *уста* закрепилась особая предметная область – о прекрасном, возвышенном, эстетически приятном, охватывающем только сферу человеческих проявлений, то в древнерусском языке животное описывалось по модели человека: *уста коня, уста рыбы, нос птицы*, а деятельность и негативные личностные качества человека уподоблялись животному: *рыскать, бить по морде, понасть в лапы* и др.

В языке поэзии *очи* и *уста* имеют свою семантико-стилистическую эволюцию: от традиции формального использования до стилистически маркированных архаизмов и средства стилизации. Большинство славянизмов в XIX в. составили ядро традиционно-поэтической лексики. Наиболее частотными среди них были *очи* и *уста*, порождающие определенные ассоциации вследствие образно-экспрессивных значений, выражаемых этими словами, что особенно характерно для языка поэзии. Рассматривая различные тенденции употребления славянизма *очи* в поэзии, О.В. Шульская описывает коннотации этого слова, выделяя в его семантике следующие экспрессемы: соотнесение с природными явлениями, небесными телами; соотнесение с полем «флора»; соотнесение с водоемами, жидкостью; соотнесение *очей* с конкретными предметами «вещного» мира [7, с. 136]. Именно такое многообразие коннотации в семантике славянизмов оказывает существенное влияние на их место в стилистической системе русского литературного языка, положение, которое они занимают в синонимическом ряду, и во многом определяет выбор соответствующих языковых еди-

ниц при переводе на другие языки, особенно на неродственные, каким является казахский. Для обобщения и систематизации поэтических переводов с русского языка на казахский мы обратились к переводам поэтических произведений А.С. Пушкина на казахский язык, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в творчестве именно этого поэта переосмысливается употребление славянизмов и они становятся наиболее востребованным художественно-образительным средством, используемым в различных стилистических функциях. Во-вторых, произведения А.С. Пушкина на протяжении XX в. (особенно в советское время, когда был так называемый социальный заказ) переводили многие казахские поэты, писатели и переводчики, что позволяет сопоставить и сравнить несколько переводов одного и того же произведения, осуществленных в разное время. В-третьих, систематизация и анализ существующих переводов могут дать хороший материал для теории и практики перевода, сопоставительной стилистики и составления переводных двуязычных словарей, в том числе специальных словарей для переводчиков художественной литературы.

Сложность перевода славянизмов на другие языки или их непереводаемость обусловлены тем, что эти слова обладают культурно обусловленной семантической природой и служат средством стилистической выразительности. В связи с этим сохранение семантико-стилистического своеобразия славянизмов при помощи языковых средств языка, на который переводится текст, использование наиболее верного способа перевода и различных переводческих трансформаций являются важными условиями переводимости художественных текстов в разные исторические эпохи. Субъективное отношение носителей языка к слову маркирует его оценочную семантику, что определяет прагматические значения, например, лексем *очи* и *уста*: 1) стилистическая характеристика слов – поэтическая; 2) регистр слова – возвышенный; 3) эмоционально-оценочная окраска – положительная, торжественная. Такое многообразие коннотации и усложняет перевод славянизмов на другие языки. Об этом совершенно справедливо пишет Е.С. Яковлева: «Становится понятным, почему *очи* и *уста* труднопереводимы, ведь им нет точных аналогов в других языках: к примеру, как перевести сочетание *очи души* без потери смысла? Приведем в смысловом плане адекватную передачу “очей” с помощью “памяти” в современной англоязычной версии

109-го псалма: *Да будут они всегда в очах Госнода... – May the Lord always remember their sins...*» [9, с. 71].

Одним из основных способов перевода является то, что стилистически маркированные и эмоционально-оценочные слова заменяются нейтральными словами казахского языка, что позволяет сохранить денотативные смыслы, т.е. план содержания воспроизводимой языковой единицы: *очи* – *көз* (глаза); *уста* – *ауыз*, *ерін* (рот, губы). Обратимся к примерам:

... *И чувствую: в очах родились слезы вновь ...*

Душа кипит и замирает;

Мечта знакомая вокруг меня летает;

Я вспомнил прежних лет безумную любовь..

(А.С. Пушкин «Погасло дневное светило»).

*Тағы да көзімнен жас тамшылады,
Қайнады жаным, тағы тұншығады,
Ессіз шақ махаббаты еске түсті,
Қасымнан таныс қиял ұшты тағы*
(пер. К. Бекхожина).

Как видно из примеров, лексемы двух разных языков, полностью совпадающие в номинативном значении, не соотносятся в плане стилистики, вследствие чего происходит утрата всех коннотаций стилистически маркированного поэтизма *очи*. В этом случае переводимость достигается на денотативном уровне. Между тем в переводческой практике, в том числе и в переводах поэтических произведений А.С. Пушкина разными казахскими поэтами, встречается множество случаев сохранения стилистического своеобразия поэтизмов *очи* и *уста* путем применения описательного способа перевода с использованием эпитетов, образных выражений, стилистических синонимов: *мұңлы көз* (печальные глаза), *қара көз* (черные), *наркес көз* (прекрасные), *әдемі көз* (красивые). При этом эти выражения могут быть образными в поэтических текстах, т.к. они передают традиционный эмоциональный ореол поэтизмов *очи* и *уста*. Использование того или иного эпитета, с помощью которого воссоздается образная, экспрессивная часть семантики славянизмов, зависит от сочетаемости слова с другими окружающими его словами (прилагательными и глаголами), метафоричности контекста, устойчивых форм фразового соединения слов и др. При переводе поэтизма *уста* также используется описательный, так называемый перифрастический способ перевода, при котором данное слово заменено сочетанием *әдемі ауыз* (прекрасные губы), что позволяет без потерь передать его стилистическую окраску и эмоционально-экспрессивную оценочность:

...Уста прекрасной ищут речи;

Глаза исполнены тоской,

И черной падают волной

Ее власы на грудь и плечи

(А.С. Пушкин «Кавказский пленник»).

... Аңсаган әдемі аузы сөзді сонша,

Құса болып, көзіне жас тоған жанша,

Иығын кеудесі мен бұрым жауып,

Толқып тұр қара шашы толқындарша

(пер. Т. Жарокова).

Следует отметить, что поэтизм *очи* встречается не только в контекстах лирических произведений, в которых описываются чувства и рисуются словесные портреты возлюбленной. Вместе с тем сочетание лексемы *очи* со словами, имеющими контрастные значения, используется в целях усложнения экспрессии образа. «Употребление слова *очи* в так называемых смешанных контекстах, характерных для поэтической речи XX в., где используются элементы различных стилистических рядов, может вызвать эстетический эффект разного характера. Высокое *очи* в контексте со стилистически контрастным словом при актуализации смыслового момента может быть усилено, подчеркнуто, как в известном контексте Вознесенского, где обыгрываются стилистические коннотации у слов: *сволочь очи подымает, Человек к дверям шагает*» [8, с. 137].

.... Напрасно вы в тени таились

Для мирных счастливых друзей,

Стихи мои? Вы не сокрылись

От гневных зависти очей...

(А.С. Пушкин «Руслан и Людмила»).

... Арналған ең бақытты дос жарларға,

Өлеңім көленкеде қапы қалма,

Қашсаң да, тауып алып, тағатын сын

Қызғанашақ қызыл көзден құтылмаспын

(пер. А. Тажибаева).

Здесь обращает на себя внимание то, что сочетание *гневные очи* переведено образным выражением *қызыл* (красные) *көз* (глаза). Это выражение носит ярко выраженный оценочный характер: именно во гневе глаза человека «наливаются кровью», т.е. становятся красными. В этом случае важно было найти слово казахского языка, выражающее весь сложный комплекс эмоций, *қызыл көз* в казахской мифологической картине мира ассоциируется с чудовищем, страшилищем с красными глазами. Как правило, при переводе метафорических контекстов проявляются различия, обусловленные национально-культурными особенностями словоупотребления.

Стилистическая эквивалентность текстов достигается с помощью переводческих трансформаций, позволяющих передать стиль оригинала и создать стилистическую структуру текста на языке перевода. Например, Н.И. Дзенс, И.Р. Перевышина и В.А. Кошкар приводят пример трансформации, обусловленной необходимостью передать в переводе функционально-стилистическую окраску слова: *Пресветлых очей нет* (А.Н. Толстой). – *Fur immer hatten sich die hellen Augen geschlossen*. Трансформация обусловлена переводом поэтизма *очи*, которому в языке перевода нет стилистически маркированного слова. «Однако в целом стилистическая окраска фразы сохраняется за счет перераспределения экспрессивных оттенков между лексическими единицами ПЯ, а также за счет изменения синтаксической структуры предложения: изменения конструкции и порядка слов, введения дополнительных слов и т.д.» [3, с. 70].

Таким образом, для сохранения семантико-стилистического своеобразия поэтизмов *очи* и *уста* были использованы богатейшие средства казахского языка – описательные конструкции, образные выражения, эпитеты, синонимы. Изучение перевода славянизмов на казахский язык дает богатый материал для сопоставительной стилистики и двуязычной (переводной) лексикографии.

Литература

1. Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М. – Л. : Academia, 1935.
2. Винокур Г.О. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина // Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1955. С. 328–387.
3. Дзенс Н.И., Перевышина И.Р., Кошкар В.А. Теория и практика перевода. СПб., 2007.
4. Зубова Л.В. Стилистика и семантика неполногласия в поэзии Марины Цветаевой // Язык и текст : межвуз. сб. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. С. 203–216.
5. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М. : Нов. лит. обозрение, 2000.
6. Ильинская И.С. Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX в. // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М. : Наука, 1964. С. 167–224.
7. Кутина Л.Л. Историческая повесть Н.М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода»: стилистические наблюдения // Очерки по стилистике русских литературно-художественных научных произведений XVIII в. – начала XIX в. СПб. : Наука, 1994. С. 63–75.

8. Шульская О.В. *Глаза и очи* в русской поэзии XX в. // Проблемы структурной лингвистики. М. : Наука, 1986. С. 127–140.

9. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // *Вопр. языкознания*. 1998. №3. С. 43–73.

1. Vinogradov V.V. *Yazyik Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyika*. M. – L. : Academia, 1935.

2. Vinokur G.O. *Nasledstvo XVIII v. v stihotvornom yazyike Pushkina // Izbrannye raboty po russkomu yazyiku*. M. : Uchpedgiz, 1955. S. 328–387.

3. Dzents N.I., Perevyshina I.R., Koshkarov V.A. *Teoriya i praktika perevoda*. SPb., 2007.

4. Zubova L.V. *Stilistika i semantika nepolnoglasiya v poezii Marinyi Tsvetaevoy // Yazyik i tekst : mezhvuz. sb.* SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1998. S. 203–216.

5. Zubova L.V. *Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyika*. M. : Nov. lit. obozrenie, 2000.

6. Ilinskaya I.S. *Iz istorii slavyanizmov v poeticheskoy rechi pervoy poloviny XIX v. // Obrazovanie novoy stilistiki russkogo yazyika v pushkinskuyu epohu*. M. : Nauka, 1964. S. 167–224.

7. Kutina L.L. *Istoricheskaya povest N.M. Karamzina «Marfa Posadnitsa, ili Pokorenie Novgoroda»: stilisticheskie nablyudeniya // Ocherki po stilistike russkikh literaturno-hudozhestvennykh nauchnykh proizvedeniy XVIII v. – nachala XIX v.* SPb. : Nauka, 1994. S. 63–75.

8. Shulskaya O.V. *Glaza i ochi v russkoy poezii XX v. // Problemy strukturnoy lingvistiki*. M. : Nauka, 1986. S. 127–140.

9. Yakovleva E.S. *O ponyatii «kulturnaya pamyat» v primenenii k semantike slova // Vopr. yazyikoznaniya*. 1998. №3. S. 43–73.

“Eyes” and “mouth” in the history of the Russian poetry and their translations into the Kazakh language

There is traced the evolution of the poetic words “eyes” and “mouth” in the history of the Russian poetry, summarized the works devoted to the research of the poetic language. Based on the translations of the poetic works by A.S. Pushkin there are considered the ways of translation of the stylistically marked archaisms into the Kazakh language and the possibility of keeping their semantic and stylistic peculiarity.

Key words: “eyes”, “mouth”, poetic word, descriptive translation, stylistic mark, the Russian language, the Kazakh language.

(Статья поступила в редакцию 17.12.2013)

Л.У. ТАРИЕВА
(Магас)

ФУНКЦИИ СУФФИКСИДОВ В ПРОЦЕССЕ РЕЧЕТВОРЧЕСТВА

Рассматривается один из типов аффиксоидов, возникающих в результате частичной десемантизации компонента композиции. Показано, как аффиксоиды участвуют в речетворческом процессе, обуславливая продуктивный тип деривации в ингушском языке.

Ключевые слова: аффиксоид, суффиксоид, пропозиция, дериватема, морфоид, аддитивная модель.

Деривация [5], интерпретированная с точки зрения *folcs semantics*, может многое объяснить в номинации языковых единиц и генерации инноваций с точки зрения синхронии и диахронии. Г.А. Климов и А.В. Бондарко обозначают содержательно-ориентированные исследования как приоритетные и указывают на системную организацию лексики, или структуру строевой лексики, т.е. на семантическую организацию лексических единиц [1; 2; 4].

Функционально-семантическая характеристика «дериватем» [10] ингушского языка обнаруживает речемыслительные приоритеты, задействованные носителем естественного языка при производстве новых слов. В деривационный континуум ингушского адвекта отдельным пластом включается номенклатура аффиксоидных наречий, и в связи с этим исследование прагматического аспекта языковых средств, избираемых языковым сознанием в процессе словотворчества, вскрывает мотивы возникновения аффиксоидных дериватем в ингушском языке.

Особенностью функционирования аффиксоидов [15], или «субаффиксов» [7], или «полуаффиксов» [11], в ингушском языке является их генерация на фоне композитных образований с достаточно прозрачным структурно-семантическим членением:

1) *цленга хъа* (двинуться к дому) – *цленгахъа̂* (к дому) – *цленгахъа̂* (у дома, возле дома, к дому);

2) *эрсаш ха* (узнавать (изучать) русских) – *эрсашх̂а* (изучить русских) – *эрсашх̂а* (порусски);

3) *курал ла* (выдерживать гордость) – *куралл̂а* (чтобы гордиться) – *куралл̂а* (из-за гордости).